Антимаг. Часть 1

Автор:
Александр и Евгения Гедеон

Антимаг. Часть 1

Александр и Евгения Гедеон

Как влипнуть в неприятности? Записывайте.

Умереть. Попасть в другой мир в тело эльфа. Узнать, что твоё назначение – стать безвольной “батарейкой” для мага. Сбежать. Связаться с наследницей уважаемого магического рода. Случайно вселить в своё тело демона. Чуть не умереть из-за одержимости. Стать врагом опасного и могущественного мага. Помочь семнадцатилетней девчонке встать во главе ослабшего клана.

Как разгрести неприятности, список которых стремительно растёт? Читайте книгу «Антимаг».

Дилогия в двух частях. Часть 1.

Александр и Евгения Гедеон

Антимаг

Часть 1

Глава 1

Говорят, за правым плечом каждого человека стоит ангел-хранитель, а за левым – демон-искуситель. Спор их вечен. Но в случае Лёхи Стрижова они чаще всего пребывали в трогательном единодушии, хором крича: «Хватит, мать твою!». Как в тот день, когда он сидел за рулём раздолбанного грузовика, гружённого самодельной взрывчаткой.

А ведь утро так хорошо начиналось… Командование российской военной миссии в Мозамбике одарило своих подчинённых невиданной милостью – выходным днём с возможностью провести время в столице. Ещё больше радовало предстоящее свидание с Алиной – хорошенькой переводчицей в филиале одной из российских компаний.

В свой выходной Стриж твёрдо намеревался прислушаться к пассажиру на левом плече и совершить серийное грехопадение: начать с чревоугодия и праздности, а потом, если всё сложится удачно, дело дойдёт и до похоти.

К сожалению, жизнь распорядилась иначе.

Едва Лёха с двумя коллегами высадились в центре города, как за углом грянул взрыв. Не говоря ни слова, офицеры бросились на крики раненых, наплевав на инструкцию, что строго предписывала сразу покинуть опасную зону, оставив местных разгребать проблемы. Вот только в инструкции не говорилось, как после этого смотреть в зеркало и спать ночами.

Целью теракта стал местный рынок – хаотичное нагромождение лотков среди разноголосого людского моря. Мощный взрыв разметал людей, словно ураган – соломинки, превратив улицу в филиал ада. Дерево, кровельное железо и пластик, из которых была собрана большая часть лотков, создали массу осколков, убивая и калеча не хуже артиллерийских снарядов.

Те из уцелевших, кто поумнее, уже убрались подальше от опасного места, остальные столпились в стороне, охая, ахая и жадно наблюдая за чужими страданиями.

Помогали раненым единицы.

Первая машина с медиками подъехала минут через десять после взрыва. А вскоре на улице и вовсе стало тесно: врачи, полиция, бронетранспортёры с

местными вояками, журналисты, добровольные помощники и непременные зеваки.

Когда Лёху наконец оттеснили подоспевшие врачи, он накладывал жгут из ремешка от женской сумочки на практически оторванную руку пожилого мужчины. Стриж хотел отойти, чтобы не мешать профессионалам, но раненый вцепился в него уцелевшей рукой и не отпускал, пока медики не вкололи противошоковое.

Наконец Лёха отошёл в сторону и, пачкая брюки бурыми разводами, вынул из кармана пачку влажных салфеток.

– Выходной, мля, – нервно пробормотал он, вытирая окровавленные руки и оглядываясь по сторонам.

На глаза попалась стайка журналистов. Обычно страны Африки не удостаиваются внимания стервятников из крупных новостных агентств и если бы не желание снять репортаж про российских военных советников – хрен бы они здесь кучковались. «Цивилизованному миру» по большей части срать на негров, за права которых так яростно борются, вырывая друг у друга гранты, правозащитные организации.

Брезгливо сплюнув, Лёха обошёл возбуждённо галдящих в микрофоны щелкопёров и остановился в сторонке, облокотившись о борт бронетранспортёра.

Чёрный жандарм молча протянул ему воду. Благодарно кивнув, Стриж скрутил пробку и в два глотка опустошил бутылку. Сознание привычно фильтровало увиденное, выискивая возможную опасность.

Внимание привлёк обшарпанный белый грузовичок, остановившийся неподалёку. Ничего особенного: местные то и дело предлагали помощь в перевозке легкораненых, но стоило Стрижу посмотреть в глаза водителю, как рука легла на автомат.

С таким взглядом идут убивать, а не спасать.

Излюбленная террористами тактика «двойного удара» была хорошо знакома Лёхе: первый взрыв служит приманкой, а второй, более мощный, бьёт уже по съехавшимся к месту трагедии спасателям и зевакам.

Водитель вылез из машины, но направился не к раненым и не к медикам, а развернулся, явно намереваясь уйти.

– Эй ты! – по-русски окликнул его Стрижов.

Незнакомец обернулся и рванул пистолет из-под рубашки. На такой дистанции Лёхе даже не пришлось целиться – он лишь чуть шевельнул рукой и террориста перечеркнуло короткой очередью.

Убедившись, что правки не требуется, Стриж подбежал к машине, перешагнул через труп и откинул выцветший синий тент, которым был укрыт груз.

– Да ядрёна ж мать… – выругался он, глядя на простенький мобильник, присобаченный к связке разномастных пластиковых бочек и канистр.

Не нужно быть экспертом, чтобы понять – бомба. И будет невероятной удачей, если по этому номеру мог позвонить только покойный водитель.

На удачу Стриж никогда не полагался.

«Дублёру» террориста потребуется совсем немного времени, чтобы понять, что напарник погиб, а потом сделать звонок. Но вполне достаточно, чтобы Лёха успел укрыться за надёжной тушей броневика.

Стриж посмотрел на улицу, заваленную ранеными и убитыми, на своих друзей, на медиков, на толпу гражданских… И запрыгнул в кабину грузовика.

Чёрт с ними, инструкциями. Пришло время выполнять долг. Может, кто-то и считает, что лучше побыть пять минут трусом, чем вечность – трупом, но не старший лейтенант Алексей Стрижов.

Он повернул ключ, торчащий в замке зажигания. Рядом с рынком гнилым зубом торчал остов отеля, построенного лет десять назад и сожжённого при

последнем перевороте. Туда Лёха и направил грузовик – к провалу подземной парковки. Даже если железобетон не заглушит сигнал мобильника – взрывную волну и осколки удержит точно.

Стриж почти успел: телефон в кузове предательски запиликал, когда он уже выпрыгивал из кабины.

Взрыв убил его мгновенно.

Не было ни света в конце тоннеля, ни забвения. Лёху словно швырнуло в прорубь и неумолимо затягивало под лёд. В угасающем сознании билась пугающая мысль, что это совсем не похоже на рай.

Потом пришла боль, и мыслей не осталось. В глаза ударил холодный слепящий свет, а из груди вырвался крик. Тело выгибало в агонии, сознание вспыхивало и вновь угасало, оставляя в памяти неясные образы.

Пол из грубо отесанного камня. Люди. Не медики. Говорят что-то, но слов не понять. Крики боли. Десятки голосов, сливающихся в бредовую симфонию.

Темнота.

Лёха не представлял, сколько валялся в бреду, время от времени приходя в себя. В голове была какая-то каша, перед глазами плыло, ощущения сплетались в болезненный ком. Запахи дерьма, блевотины, голоса людей, конское ржание, подкатывающая к горлу тошнота, круги перед глазами и ускользающее сознание – вот и всё, что составляло теперь его жизнь.

Когда голова наконец прояснилась, Стриж просто наслаждался, как может только человек, у которого впервые за долгое время ничего не болело. Шум дождя, барабанящего по дощатым стенам, убаюкивал, даря измученному разуму покой. Не мешала даже вонь нечистот – близкая, словно где-то рядом стоял деревенский сортир.

А затем в памяти начали проясняться последние события и Лёха открыл глаза.

Он выжил. Непонятно как, но выжил. Но почему-то над головой потемневшие от времени доски, а не белый потолок больничной палаты. Зато удалось пошевелить руками и ногами. Тело ощущалось странно, как после наркоза, но он точно не беспомощный ампутант.

Эта мысль принесла непередаваемое облегчение. Стриж прикрыл глаза и от души поблагодарил ангела-хранителя, совершившего чудо даже по библейским меркам.

– Ты с ним нянькаться собрался, Рябой? – в уши врезался хриплый мужской голос.

Лёха открыл глаза, повернул голову и растерянно уставился на двух людей, словно сбежавших из массовки исторического фильма про испанских конкистадоров. Оба в чёрных кирасах и шлемах, длинных плащах с откинутыми капюшонами и откровенно гнусным выражением на харях. Один – взрослый мужик, явно за тридцатник, с роскошными чёрными усищами, а второй – сопляк с рябой мордой и жалкой порослью под носом.

– Так десятник сказал пустышек помыть, – растерянно отозвался молодой.

– Всему вас учить надо, – хрипло проворчал усач и опрокинул на Лёху жбан холодной воды.

От неожиданности тот вдохнул жидкость и судорожно закашлялся. На миг снова показалось, что его затягивает под лёд, в жуткий потусторонний холод, и разум уступил животному страху. Страху перед чем-то невообразимо-чуждым человеку.

Мгновение помешательства миновало и пришла злость, спалившая страх до тла. Стриж наконец сумел вдохнуть и снова закашлялся.

– Понял? – поинтересовался у Рябого усач, не обращая внимания на отплёвывающегося у его ног человека.

– Прибью, – хрипло пообещал Лёха.

Мужики уставились на него с таким изумлением, словно подало голос одно из стоящих неподалёку вёдер.

– Заговорил чё-то непонятное, – поделился наблюдением Рябой.

– Ага, – согласился с его выводом хриплый. – И, по-моему, он хамит.

– Похоже, – сопляк гаденько хихикнул.

Усатый сплюнул и больно пнул Стрижа под рёбра.

– Ах ты сучий… – тот вскинул руки чтобы перехватить следующий удар и замер, ошалело глядя на самые настоящие кандалы.

Зрелище было настолько поразительным, что Лёха ненадолго позабыл и об обидчиках, и о намерении проредить им зубы. На нём красовались не наручники, не кустарная конструкция из цепи, одолженной у соседской собаки, а самые настоящие кандалы. Такие он видел только в музее: металлические «браслеты», соединённые цепью.

Наклонив голову, Стриж увидел такие же «украшения» у себя на ногах. Ещё одна цепь тянулась от широкого ремня из толстой кожи, опоясывающего талию, и крепилась к массивному металлическому кольцу в дощатой стене.

Вдобавок ко всему, одет он был во что-то вроде длинного серого балахона со следами свежей блевотины на груди.

Эти открытия стоили разбитой губы: пока Лёха вдумчиво созерцал антикварные железки, рябой сопляк решил присоединиться к веселью и засветил ему пинком по физии. Не сильно – на спаррингах куда сильнее прилетало – но очень унизительно.

– Ты рожу-то ему не порти, – осадил молодого усатый и явно более опытный. – Десятник увидит – ор поднимет, что ему за пустышек перед графом ответ держать. В брюхо пинай, но в меру, только чтобы должное почтение вызвать.

Лёха, звякнув цепью, утёр кровь из разбитой губы. Несмотря на бредовость происходящего, меньше всего это напоминало сон. Боль была самая настоящая, во всех знакомых деталях. Всё реально: ушлёпки в кирасах, вонючая овечья шкура под спиной, ливень, хлещущий по деревянным стенам…

Стриж схватился за гудящую голову и с трудом удержался от стона.

– Может на него ещё пару вёдер вылить? – тем временем предложил молодой. – Уж больно воняет.

– Они первое время все такие, – с видом знатока ответил старший. – Сперва долго болеют, ходят под себя да блюют, а потом вроде как приживаются и дело на лад идёт. Как в себя приходят и говорить начинают – их уже нормально моют и господам магам отдают.

Сказанные слова Лёха понимал, но смысла уловить не мог. Да и, говоря откровенно, сейчас его больше занимало изучение собственных возможностей. Сковывающие его кандалы не позволяли ни нормально замахнуться, ни даже широко шагнуть, зато от кольца в стене он мог отойти метра на два, обойдя практически всю тесную комнатёнку.

Особо не повоюешь, но при желании он сможет добраться до этих утырков.

– Ну а до тех пор, – Рябой нагнулся и поднял ещё одно ведро, – приходится страдать честным людям…

Стрижа снова облили водой, но на этот раз он был готов. Лишь невольно вздрогнул, ощутив холод на коже.

– Чё-то притих, – с лёгким разочарованием заметил Рябой. – Похоже скоро снова вырубится.

– Да и хрен с ним, – отмахнулся усач. – Ты смотри какая дама тут томится в одиночестве. С утра уже не блюёт, видно соображать начала. Полей её водичкой как следует, Рябой, я баб чистых люблю.

– Как бы не влетело, – засомневался молодой. – Я слышал, это для графского сына пустышка, для его сиятельства Феба.

Раздался плеск выливаемой воды и чей-то кашель.

– И чего? – не понял хриплый. – Я ж её трахнуть собираюсь, а не калечить. Всё равно как только его сиятельство граф пустышку привяжет – она в ходячий кусок мяса превратится. А так хоть порадуется напоследок.

– А если граф придёт? – не унимался Рябой, опрокидывая очередное ведро воды.

– А чего его сиятельству в такой ливень грязь зазря месить? – удивился любитель одиноких дам. – На это у него мы есть. Захочет на пустотников поглядеть – нам и прикажет приволочь. По бабе ж не видно, трахали её, или нет. А чё она там на своём языке бормочет – кто разберёт?

– Чинга ту мадре,[1 - Chinga tu madre – очень грубое ругательство на испанском.] – женский голос прозвучал неожиданно зло, а не испугано.

За ногами стражников Стриж разглядел лишь босые ноги с кандалами на тонких щиколотках, да подол такого же, как на нём, балахона.

– Не понял, но обиделся, – мужик осуждающе поцокал языком. – Рябой, есть чем рот ей заткнуть? А то десятник на вопли прибежит, придётся очереди ждать.

– Ты лучше себе хлебало заткни, – зло рыкнул Лёха. – Хреном своего мальчонки, ушлёпок заднеприводный.

На стресс каждый человек реагирует по-своему: кто-то впадает в ступор, кто-то бежит, у кого-то включается агрессия, а вот Стриж начинал шутить и зубоскалить. Часто тупо и невпопад, но это помогало стравить лишнее напряжение и хорошо делать дело.

А это дело он очень хотел сделать хорошо. Прибить гнид.

Насильников он ненавидел люто и не собирался сейчас молча наблюдать. А кандалы… Да хрен с ними. Главное – успеть дотянуться хотя бы до одного.

Второй, конечно, пырнёт железякой, что у него на поясе, но одного засранца Лёха точно с собой на тот свет захватит. В идеале – обоих.

У судьбы точно есть чувство юмора: Стрижу всегда говорили, что он когда-нибудь сдохнет в очередном героическом порыве кого-то спасти. Так и случилось. Но кто же предполагал, что старомодное рыцарство погубит его два раза, да ещё за такой короткий срок?

– И чё ты уставился? – Стриж встал, гремя цепями, словно Кентервильское привидение. – Ходи моя сторона, усатенькие, бриться будем.

– Не, этот придурок хорошего обращения не понимает. Явно какую-то пакость говорит, – вояки с ленцой обернулись к возмутителю спокойствия.

Ошибка. За спинами потенциальных насильников бесшумно поднялась женская фигурка и цепь захлестнула горло усача.

– Ох ты ж… – невольно выдохнул Стриж, любуясь великолепным броском через спину, проведённым девушкой.

Вояка даже вякнуть не успел – лишь мелькнули в воздухе каблуки его сапог да хрустнули шейные позвонки. На землю рухнул уже труп.

Рябомордый сопляк совершил вторую ошибку: вместо того, чтобы заорать, поднимая тревогу, он схватился за меч. Зря: девчонка моментально упала и прямо-таки танцевальным пируэтом подсекла вояке ноги. И на него сверху прыгнул Стриж, захлёстывая шею цепью.

Надо отдать должное – сопротивлялся стражник, как бешеный. Он смог стряхнуть с себя Лёху и попытался встать, но тот ухватил его за поля шлема и рывком сломал шею.

– Пон ту ункондо а ла кабеса, пута[2 - Пон ту ункондо а ла кабеса, пута – грубое ругательство на испанском.]! – плюнула на труп девица.

– Та ещё пута, – согласно выдохнул Стриж и тут же принялся обыскивать покойника.

Связка из трёх штук на массивном металлическом кольце нашлась у усача. Освободившись от кандалов, Лёха перекинул ключи соседке по заключению и, пока та возилась с ними, разглядывал неожиданную союзницу.

Меньше всего она напоминала жгучую представительницу испаноговорящих народов: светлокожая, высокая, с большими миндалевидными зелёными глазами. Разве что длинные тёмные волосы, заплетённые в замысловатую косу, хоть как-то укладывались в теорию о латиноамериканском происхождении. А вот заострённые уши – нет.

– Это у тебя пластика такая, или ты реально…

Что – «реально» – Лёха не договорил: проведя рукой по голове, он осёкся на полуслове и застыл с выпученными глазами.

– Нет, – тихо сказал он, проводя ладонью до затылка.

«О, да!» – злорадно ухмыльнулась реальность, давая ему нащупать собранные в какое-то сложное подобие косы волосы. Охренительно длинные волосы.

– Твою ж мать! – Стриж схватил своё заострённое ухо, не обращая внимания на удивление в глазах девушки.

И тут его посетила страшная мысль. Сглотнув, он опустил руку и пощупал себя в паху.

– Ну, хоть тут всё нормально, – облегчённо выдохнул Лёха и истерически хихикнул. – Я, мля, тоже грёбаный эльф…

– Эсперанто? – требовательно спросила девушка, подтянула к себе труп и начала деловито обыскивать его.

– Космолингва, мля! – отозвался Стриж, ощупывая острый кончик собственного уха. – Нашла время для лингвистики…

Но невольно задумался: где в ходу эсперанто? Про «универсальный язык» он читал давным-давно в каком-то журнале и уж точно не слышал, чтобы тот где-то

применялся реально. Хотя… Может, это чисто фишка латиносов? Всё же два схожих языка – испанский и португальский – вот и разработали общий диалект на их основе.

Чёрт, и ведь не спросишь – все специалисты остались там же, где и родное тело.

А в том, что это тело не его, он уже не сомневался. Не было ни «африканского» загара, ни шрама от колючей проволоки на левом предплечье, полученном на втором курсе, ни родимого пятна на локте.

Но вид остроухой соседки, подозрительно сноровисто обшаривающей труп, намекал, что времени на рефлексию нет.

– Эдено[3 - Эдено? – Эдэм? (пер. эсперанто).]? – спросила девица, указывая на Лёхино ухо.

Тот ответил матерно: ярко и сочно. Она всё равно не поймёт, а ему – хоть душу отвести.

– Китеж! – обрадовалась чему-то эльфийка.

– Хренитеж! – едва не рявкнул Стриж. – Нашла время сказки вспоминать… Тут и без них любого Кощея Бессмертного кондратий хватит! Мы с тобой – грёбаные персонажи сказок. Компрендэ?

Он сперва ткнул пальцем в своё ухо, а потом – в ухо собеседницы. Та развела руками, явно не понимая что он от неё хочет, а затем внимательно уставилась на свою ладонь и нахмурилась.

– Ми пиэль[4 - Mi piel… – моя кожа (исп.)]… – озадаченно пробормотала она и закатала рукав рубахи до самого плеча.

– Ага, полный пиэль, – поддержал её Лёха. – Прям полярный. Или ты не про это?

Девушка заговорила на чём-то, подозрительно напоминающем латынь, но оценив вытянувшееся от удивления лицо собеседника махнула рукой, ткнула себя в грудь пальцем и произнесла:

– Миа.

Затем указала уже на Стрижа и вопросительно подняла бровь.

– Лё… Алекс, – вовремя вспомнил тот вариант своего имени «для западных партнёров».

И добавил уже в первую очередь для себя:

– Вопросы типа «какого хрена происходит?» оставим на потом. Давай рвать отсюда когти…

Он продолжил обыскивать ближайший труп стражника.

То, что Миа тоже оказалась не в своём теле, Лёха уже понял. Как и то, что в прошлом девушка была отнюдь не мирным обывателем. Мирняк не способен так быстро адаптироваться к новой обстановке, находясь в стрессовой ситуации. И уж тем более, сворачивать шеи людям, а потом спокойно обыскивать их трупы.

Скорее всего, она служила в армии или спецподразделении полиции. Например, у тех же бразильцев: их вояки проходят неплохую, по меркам Латинской Америки, подготовку.

То, как просто оказалось наладить понимание с помощью жестикуляции, лишь подтвердило предположение. Стриж использовал жесты полицейского спецназа США, почерпнутые в кино и сети и, к его облегчению, они оказались понятны Мие. В большинстве стран Латинской Америки силовики равнялись на янки.

Так, жестикулируя под русско-испанские матюки и настороженно прислушиваясь к монотонному шуму ливня, они переоделись в снятые с трупов одежду и доспехи, а самих покойников завернули в шкуры, придав им позы спящих.

На беглый взгляд сойдут за пленников.

Снятые балахоны они без сожалений запихнули в местный нужник: дощатый ящик с дыркой, прикрытой откидной крышкой. Судя по состоянию одежды и тела, до сортира Стриж в новом облике добирался редко, гадя под себя. В этом ракурсе поливание водой, устроенное покойными стражниками, выглядело уже не так плохо.

Зато стало понятно, почему он едва ощущал вонь от нужника: похоже, от них с Мией разило не лучше. Оставалось надеяться, что после обтирания мокрой тряпкой и переодевания они уже не так смердят, иначе побег обречён на провал. Их просто вычислят по невыносимой вони.

Миа потушила масляный фонарь, освещавший их камеру. Переглянувшись, беглецы поглубже надвинули шлемы, скрывая лица, и шагнули в ночь.

– Твою мать! – шёпотом выругался Стриж, едва не сверзившись в грязь.

От позорного падения спасло лишь то, что он успел ухватиться за поручень, огибающий площадку фургона. Именно им оказалась деревянная темница.

Лёха спрыгнул в жадно чавкнувшую грязь.

Ливень гулко забарабанил по шлемам, заглушая все остальные звуки. Беглецы замерли, настороженно вглядываясь в темноту. Зрение адаптировалось на удивление быстро. Причём не просто адаптировалось.

– Да ну нах… – поражённо выдохнул Стриж, сообразив, что видит в темноте не хуже кошки или совы. – Мотать мой лысый череп, это что – мне в башню ноктовизор[5 - Ноктовизор – он же ПНВ, прибор ночного видения.] вмонтирован?

Пусть монохромно, но он теперь мог видеть в темноте. И хоть дождь изрядно осложнял задачу, осмотреть местность удалось без особых проблем.

Беглецы оказались посреди лагеря, разбитого на лесной поляне. Внимание привлекал ярко освещённый шатёр, украшенный изображениями змей. Возле него мрачными изваяниями застыли аж четверо самых натуральных рыцарюг, вооружённых пиками и мечами. Сразу ясно: обитель местного главнюка, чином явно повыше десятника, которого упоминали покойнички.

Жаль, нельзя захватить гада и вдумчиво допросить на предмет местных реалий.

Два остальных шатра, побольше размерами и попроще на вид, судя по долетающим оттуда звукам, вмещали простую солдатню.

Ещё Стриж заметил местный транспорт – с три десятка единиц модели «лошадь» и два прицепа к ним. Три, если считать фургон для пленников. Стреноженные коняги мирно ужинали травкой под присмотром пары часовых.

Лёха огорчённо вздохнул. Нет, на лошади он ездить умел – верховая езда входила в обязательный курс подготовки, но во-первых, вряд ли обученная рыцарская лошадь подпустит к себе чужого человека, а во-вторых, без седла и уздечки нет ни единого шанса уйти от опытных кавалеристов.

Телега – тем более не вариант. Стриж просто не умел их – или в них? – запрягать и, уж тем более, рулить.

Так что остаётся привычный способ: на своих двоих через лес. Вот тут как раз были все шансы не только оставить преследователей с носом, но ещё и больно по этому самому носу стукнуть, дабы отбить желание гоняться дальше.

Вот только покинуть лагерь было не так просто: по периметру также торчали парные посты. Причём расставленные грамотно – в зоне видимости друг у друга. Начнёшь снимать одну пару, тут же ор поднимут остальные. И просто не пройти – непременно окликнут, запрашивая пароль.

Интересно, от чего так берегутся? Война идёт, или разбойнички тут настолько борзые, что могут на ораву рыцарюг напасть?

Миа стукнула Лёху по шлему, привлекая внимание, и жестами пояснила нехитрый план: отвлечь стражу и дунуть в лес. Тут их мысли сходились. Осталось лишь придумать, что такого учудить, чтобы весь лагерь встал на уши.

Пока он натужно скрипел мозгами, Миа достала ножик, затрофеенный у убитого стражника и, поманив за собой, осторожно двинулась к лошадям.

– Ты что задумала? – прошипел Стриж, забыв, что девушка его не понимает, а может и вовсе не слышит. Барабанящий по шлему ливень изрядно забивал слух постоянным шумом.

Не доходя пары десятков шагов до лошадей, Миа резко взмахнула рукой. Лёха уважительно присвистнул, глядя, как ножик впивается в лошадиный круп.

Оскорблённая до глубины души животина встала на дыбы, пронзительным ржанием выдавая всю гамму эмоций. Остальной табун шарахнулся в стороны, вереща во всю мощь лёгких и не обращая внимания на часовых, пытающихся успокоить внезапно разбушевавшихся животных.

В лагере поднялась суматоха: из шатров посыпались вооружённые люди, на ходу затягивая ремни кирас и шлемов.

Всё это беглецы рассматривали на ходу, торопясь к лесу, благо парочка бегущих вояк вполне вписывалась во всеобщую суету и неразбериху.

И тут ночь превратилась в день.

За спинами беглецов словно вспыхнуло солнце. Обернувшись, они поражённо замерли. У богатого шатра стоял мужчина, из руки которого бил луч света, словно от мощного фонаря. Вот только луч этот не исчезал в небесах, а сплетался в световую сеть над лагерем, освещая каждую пядь и не оставляя ни единой тени, в которой можно было затаиться.

– Ма?дре Ди?ос,[6 - Ма?дре Ди?ос – Матерь Божья! (исп.)] – потрясённо прошептала Миа, глядя на невиданную иллюминацию.

Лёха хорошо её понимал. Он и сам, щурясь, обалдело пялился на световое шоу.

– Охренеть вовремя… – зло буркнул он, отворачиваясь от мужика и поправляя шлем, чтобы скрыть лицо в тени полей.

Кто бы не был этот тип – подгадил он беглецам знатно. До заветного леса оставалось каких-то жалких сто метров, но кто даст их пробежать?

Шум утих – часть вояк успокаивала лошадей, а остальные, недовольно ворча, торчали под дождём, пока командиры выясняли причину переполоха.

– Эй, вы, двое! – хлестнул по ушам окрик.

Медленно обернувшись, Стриж увидел вояку в шлеме с алым плюмажем, печально обвисшим под ливнем. Какой-то чин рангом пониже, чем главнюк из шатра. Офицер, или тот самый десятник. Да и как-то похрен на его звание, тут куда важнее другое: сейчас он приглядится – и всё, приплыли.

А ведь почти получилось…

– Хрена вы там яйца мнёте? – продолжал чин, упирая руки в бока. – Что-то рожи ваши разглядеть не могу… А ну, орёлики, подойдите поближе.

Миа тихонько выругалась по-испански. Лёха стрельнул глазами по сторонам и тоже не сдержал мата: на начальственный ор многие обратили внимание. Выбор не богат: или сдохнуть обоим, напоследок постаравшись продать жизнь подороже, или…

Стриж посмотрел на девушку. Ну что ж, как говорится: сам погибай, а товарища выручай. Прям как в прошлый раз. Хотя тогда он помирать не собирался.

Он жестами приказал Мие: «беги по моей команде.» Оставалось надеяться, что она не будет тупить и воспользуется подаренной возможностью.

– Э, дебил, ты чё там руками машешь? – рявкнул чин. – Кому сказано: ко мне оба!

Разворачиваясь, Лёха уже мысленно прикидывал, успеет ли подойти вплотную к горластому и урыть его раньше, чем тот опознает сбежавших пленников, как в уши врезался высокочастотный звук, едва на грани слышимости.

Стриж, Миа, да и почти все вокруг пытались прикрыть уши, но избавиться от звука не выходило. В сводящий с ума визг органично вплёлся неописуемый инфернальный звук, от которого кровь в жилах застыла, а колени разом подкосились.

Рядом свалилась Миа. Уткнулась лбом в грязь, она отчаянно скребла пальцами по шлему, будто пыталась выцарапать мучительный звук из черепа.

Температура упала так резко, словно их швырнули в промышленный морозильник. Грязь за несколько секунд покрылась колючей ледяной коркой, а мокрая одежда буквально примёрзла к телу.

– Разлом! – прорвался сквозь этот ад сильный мужской голос. – К бою!

Командовал тот самый главнюк со встроенным прожектором. Световая сеть в его руке исчезла, вернув лагерь во власть ночи, но тут же в небо взмыли и повисли там поочерёдно четыре сияющих, как маленькие солнца, шара. Они разогнали и тьму, и холод, позволив выдрать сапоги из промёрзшей было грязи.

Ослаб и сводящий с ума звук, будто в уши воткнули затычки. Бойцы, подбадриваемые матерком десятников и офицеров, сбегались к командиру, выстраиваясь вокруг него в каре.

– В строй, кретины! – взревел чин. – Бегом, удолбанцы! Где ваши арбалеты, вы, две кучи ослиного дерьма?!

Лёха бросил взгляд в сторону спасительного леса и замер: метрах в тридцати от него висел… Стриж даже не знал названия того, что видел. Воздух переливался и сиял, будто неведомый великан зачерпнул ладонью северное сияние и швырнул себе под ноги.

Из этой хрени и тянуло лютым холодом.

Жаль, этим спецэффекты не ограничились. Из сияния соткалось несколько странных силуэтов. Зверюги размером с телёнка больше всего походили бы на волков, если бы не три головы, исторгающие безумный, пробирающий до костей вой. Когда за ними начали формироваться высокие рогатые силуэты, вспыхнуло пламя, отрезая лагерь от тварей.

Это походило на «огненную стену» на полигоне. Только там полыхала огнесмесь, залитая в специальные канавы, а тут не было ни канав, ни какого-либо намёка на применение зажигательного состава.

Чёрт, да даже запаха не было!

Сходство с полигоном прибавляло то, что ливень абсолютно не мешал огню, как и при горении огнесмеси. Лишь в одном месте оставалась прореха – точно напротив ощетиневшегося пиками и алебардами строя. Эдакое ненавязчивое приглашение тварям, которое те радостно приняли, ломанувшись прямо на наконечники пик.

Хлопнули арбалеты и первый ряд монстров свалился прямо под лапы собратьям. Упавших втоптали в грязь, даже не замедлив скорости.

Досмотреть фантастическое представление не позволила Миа. Дёрнув Лёху за плечо, она указала на самый удалённый от боя участок огня и приглашающе махнула рукой. Девушка похлопала себя по набрякшему от влаги плащу, натянула капюшон до самого подбородка и изобразила прыжок.

Смысл в этом был. Твари явно сосредоточились на предложенном участке боя, как и люди. На беглецов никто особого внимания не обращал. Но что будет, когда одна из сторон одержит победу? Точно ничего хорошего ни для Лёхи, ни для Мии. А огонь… Они слишком мокрые, чтобы загореться сразу. Да и, случись такое, к их услугам ливень и мокрая грязь.

Кивнув, Стриж огляделся в поисках возможных свидетелей побега. Им оказался один из охранников шатра местного главнюка. Видно было там что-то ценное, раз он остался на посту, а не присоединился к бою, как остальные.

Лёха уже прикидывал, какой участок огненной стены не просматривается бдительным стражем, как заметил странное: увеличивающуюся прореху в полотнище шатра. В образовавшуюся дыру выбралась скрытая плащом женская фигурка. Почему женская? Из-под плаща выглядывал подол стремительно темнеющего от грязи платья.

С планированием у неизвестной было не очень: она умудрилась вылезти аккурат позади закованной в доспех туши стражника, и при этом явно нашумела, поскольку тот обернулся.

Лёха уже решил, что стал свидетелем самого короткого в мире побега, как тонкая девичья рука стремительно легла на забрало, словно благословляя воина

на ратные подвиги. А в следующее мгновение под шлемом полыхнуло пламя, которому позавидовала бы и доменная печь, и уже мёртвое тело рухнуло в грязь.

– Твоэмат… – ошалело пробормотала Миа, тоже наблюдавшая невероятное зрелище.

– Охренеть, – поддержал её Стриж.

Слова стражников про «господ магов» обретали смысл. Рехнуться можно…

Беглянка, между тем, странно скособочившись и пошатываясь, двинулась к лесу. Наверное, латник перед смертью успел-таки пырнуть её чем-то из своего арсенала.

Всё это Лёха обдумывал на бегу, в компании Мии торопясь вслед за неизвестной. Местная – ценное подспорье для беглецов. Тем более, способная сжигать одним махом. Главное – договориться с ней до того, как с перепугу спалит их самих.

А в том, что договориться можно, он не сомневался. Враг моего врага – мой друг, а раз дама так спешила покинуть защищённый лагерь в такой момент, на то были веские причины.

Оставалось загадкой, как еле плетущаяся беглянка собралась проскочить через огненную преграду. Неплохой момент для них с Мией, чтобы предложить помощь и положить начало взаимовыгодному партнёрству.

Вот только помощь не понадобилась: пламя расступилось перед женщиной, как море перед Моисеем, и вновь сомкнулось за её спиной.

– Твоэмат… – повторила Миа и, выдохнув, с разбегу бросилась в огонь.

Лёха задержался на секунду – подобрать алебарду покойника. Против тварей этот гибрид топора с копьём давал куда больше шансов, нежели короткие клинки убитых стражей, больше похожие на старинные сапёрные тесаки.

– За ВДВ, мля! – выдохнул Стриж и сиганул в огонь.

Не было ни жара, ни чего-то иного – он словно проскочил сквозь элемент светового шоу.

– Ми?ра до?ндэ бас, идио?та![7 - Ми?ра до?ндэ бас, идио?та! – Смотри, куда прёшь, идиот! (исп.)] – рявкнула на него Мия, уворачиваясь от наконечника алебарды.

– Извини, – покаялся Лёха, понявший общий посыл, и оглянулся в поисках таинственной фигуры.

Та, пошатываясь, упорно брела прочь от лагеря.

Откуда-то сбоку, со стороны загадочного сияния, выскочили две твари и радостно устремились к беглянке. Та увидела опасность, вскинула руку и бегущее первым чудище вспыхнуло, словно бенгальский огонь.

Участь собрата ничуть не впечатлила второго монстра: перепрыгнув через полыхающую тушу, он бросился в атаку. Лёха ожидал второго акта импровизированного файер-шоу, но магичка просто упала в грязь.

Выматерившись, Стриж кинулся на чудище, не особенно задумываясь о разумности этого поступка.

– Идио?та! – абсолютно справедливо охарактеризовала его Мия, устремляясь следом.

Лёха замахнулся алебардой так, словно хотел содрать крюком луну с неба. Одна из голов твари, заметив нового врага, ощерила зубы, но поздно: тяжёлое лезвие с противным хрустом врубилось в позвоночник чудища, точно перед крестцом. Стриж здраво рассудил, что нет смысла рубить по башке, коли их три, а вот хребет – он один. И тварь подвижность потеряет однозначно.

Сработало. Монстр с визгом шлёпнулся на задницу. Лёха с хэканьем вырвал алебарду и, примерившись, рубанул тварь по передней лапе. На этом его успехи закончились – пасть сомкнулась на древке, с лёгкостью размолов его в щепки. Челюсти у твари оказались на диво мощные.

– Му?эрэ, и?ха де пута![8 - Му?эрэ, и?ха де пута – Сдохни, сучья дочь! (исп.)] – заорала Мия, подскочив сзади и умело всаживая клинок под лопатку твари.

Навалившись на рукоять, девушка вогнала тесак на всю длину лезвия. Тварь коротко взвыла в три глотки и замертво рухнула в грязь.

Плюнув на труп, Мия упёрлась в него ногой и вытащила клинок обратно, ловко увернувшись от плеснувшей из раны вонючей струи, совсем не похожей на обычную кровь.

– Алебарду жалко, – непонятно зачем сказал Стриж.

Подойдя к упавшей магичке, он наклонился и проверил пульс. Жива.

– Ну и куда тебя зацепило? – вслух поинтересовался он, ища рану на теле девчонки.

А это была именно девчонка, едва ли старше Лёхиной сестры, в этом году выпускавшейся из школы. Хрупкая, длинные светлые волосы обрамляют худое осунувшееся лицо. Меньше всего она походила на кого-то, способного заживо запечь человека прямо в доспехе.

– Странно, – резюмировал Стриж, не обнаружив ни единого пореза или следа крови. – Чего ж ты вырубилась?

С этими словами он подхватил почти невесомое тело на руки и удивлённо уставился на Мию, подошедшую к девчонке с обнажённым клинком в руке.

– Э, ты чего? – удивился он, на всякий случай отступив.

Эльфийка молча откромсала полосу ткани от подола платья девчонки и сноровисто примотала ей руки к телу. Оглядев результат, Мия указала на спасённую, затем положила пальцы на лоб Стрижу и сказала: «Бум!».

– А… – протянул Лёха, осознав смысл жестикуляции.

Да, верно: не хватало ещё, чтобы очнувшись и увидев на них доспехи своих пленителей, соплюха с перепугу шарахнула пламенем.

– Разумно, – Стриж поудобнее перехватил свою ношу и зашагал вслед за Мией в чащу.

Лес принял беглецов в свои мокрые объятия.

Глава 2

Новое тело оказалось поразительно сильным и выносливым. Раньше Стриж ни за что не смог бы столько времени нести на руках груз без остановки на отдых. Теперь он делал это в ровном темпе, без надрыва и мобилизации всех сил.

Вот только иногда возникали странные сбои: то подкашивалась нога, то голова начинала кружиться, а раз отнялась рука, из-за чего Лёха едва не уронил свою ношу в грязь. Но постепенно тело пришло в норму – видимо, нервная система окончательно подстроилась под нового владельца.

Схожие проблемы были и у Мии: несколько раз она валилась с ног и какое-то время не могла встать, но вскоре и это прекратилось. Оставалось лишь благодарить небеса за то, что подобное не случилось во время драки с трёхголовой тварью. И молиться, чтобы не повторилось в будущем в самый неудачный момент.

На привал они встали уже на рассвете, окончательно выбившись из сил. Дождь к тому моменту прекратился, а поднявшееся над землёй солнце начало ощутимо припекать.

– Натуральная Абхазия, – оглядев лес, резюмировал Стриж. – Интересно – мандарины тут растут?

Не, то, чтобы ему сейчас реально было дело до цитрусовых, но в этом сумасшедшем мире отчаянно не хватало связи с привычной реальностью.

Хотя…

Он посмотрел на подобранную девчонку, что мирно спала у него на руках. Выглядела она вполне обыкновенно, если не считать непривычной одежды. Так и не скажешь, что совсем недавно сожгла человека одним лишь прикосновением.

Беглянку не разбудили ни Лёхина ругань, когда он поскальзывался или спотыкался, ни перекидывания с рук на плечи. Найденную у неё полотняную сумку с чем-то вроде небольшого сундучка, он на бегу сунул Мие, не тратя время на изучение содержимого.

Вряд ли девчонка собрала в дорогу бутерброды, а ничего другого полезного в их ситуации там поместиться не могло.

Отыскав место посуше и почище, Стриж уложил спасённую на траву и уселся рядом, настороженно прислушиваясь к звукам леса.

Погоня если и была, то безнадёжно отстала. Собак в лагере он не видел, ну а ломиться толпой в доспехах через заросли – так себе занятие.

Вдобавок, хороший кавалерист вряд ли будет ещё и отличным марафонцем или хотя бы стайером. И, уж тем более, следопытом, способным в кромешной тьме, под проливным дождём отыскать следы убегающей добычи. А в пешей погоне нужны именно такие.

Так что некоторая фора у беглецов есть и нужно было использовать её с максимальной выгодой.

Но для начала требовалось передохнуть и хоть немного подсушиться. Сапоги после ночного марш-броска через лес промокли насквозь.

Лёха разулся и накинул на голенища портянки, мельком порадовавшись, что местная солдатня тоже использует этот нехитрый предмет вместо каких-нибудь чулок. Или что там ещё носили в средневековье?

Затем настала очередь кирасы и шлема. Стриж отметил, что доспехи покрыты не краской, а чем-то вроде лака, причём как внешняя, так и внутренняя сторона. Явно защита от коррозии. Чем-то подобным покрывали доспехи японцы, также обитавшие в субтропическом климате.

Трофейную одежду Лёха изучил с неменьшим интересом. Похожая на гимнастёрку рубаха с кожаными вставками на плечах и локтях, и удобные просторные штаны с кожаными же наколенниками были сшиты из лёгкой пурпурной материи, явно предназначенной для жизни в тёплом климате. Берет, заодно служивший подшлемником, из той же ткани.

В общем, видно, что обмундирование и снаряга приспособлены именно к такой местности. Значит, вояки тоже местные, а не какой-то экспедиционный корпус из других краёв. Хотя, если воюют давно – могли и адаптироваться…

Все эти выводы Стриж делал машинально, по привычке, занимая голову, пока руки развешивали вещи на ветки для просушки. Остался он лишь в нижней рубахе и подштанниках из чего-то, смахивающего на лён.

Миа тоже разделась до исподнего, а затем подошла к спящей девчонке, быстро срезала путы и убралась, от греха подальше.

Лёха одобрительно кивнул: вряд ли их новая попутчица обрадуется, очнувшись связанной.

Взгляд невольно прикипел к облепленному мокрой рубахой телу эльфийки. Посмотреть было на что: стройные ноги, точёные бёдра, небольшая, но красивая грудь…

При других обстоятельствах, это зрелище захватило бы Стрижа целиком и полностью, но сейчас у него были другие приоритеты. Требовалось выбираться из этой задницы и разобраться, что вообще происходит. А потом уже пытаться познакомиться с Мией поближе.

Усилием воли вернувшись к текущим делам, Лёха взял меч и без жалости отчекрыжил доставшую его «косу».

– Так гораздо лучше, – резюмировал он, встряхнув укоротившейся шевелюрой.

К его удивлению, Миа схватила его за руку, отобрала отрезанные волосы и уселась на древесный корень, деловито разделяя добычу на пряди.

– Нашла время рукоделием заниматься, – хмыкнул Стриж, наблюдая, как его новая знакомая ловко заплетает волосы в тонкие косички. Но от дальнейших комментариев воздержался: короткое знакомство показало, что девушка знает, что делает.

Себе же он попытался оформить нормальную мужскую стрижку. Жаль только, что без зеркала и с одним только ножом сделать это оказалось непросто.

На помощь снова пришла Миа. Понаблюдав какое-то время за Лёхиными потугами, она отобрала у него нож и принялась срезать прядь за прядью, безжалостно дёргая за волосы. Стриж скрипел зубами, но молчал: трофейное оружие не отличалось бритвенной остротой.

В книгах герои обычно получали клинки, что легко перерезали летящее пёрышко и сбривали волоски на руке. Из Лёхи, очевидно, герой получился не очень: доставшийся ему нож требовал основательной заточки.

После того как Миа отпилила, иначе и не скажешь, мешавшие ему волосы, она задумчиво протёрла рукавом лезвие и удивлённо уставилась на своё отражение в металле. С минуту девушка крутила клинок, пытаясь рассмотреть как можно больше, а затем вернула его Лёхе.

Тот не удержался и тоже взглянул на отражение. Мутное и едва различимое, оно ничем особенно не помогло. С тем же успехом можно было рассматривать себя в комнате кривых зеркал на передвижной ярмарке, где за разводами и пятнами едва можно различить даже силуэт.

Махнув на это бесполезное дело рукой, Стриж взялся обустраивать лагерь, используя меч в роли мачете, благо клинок отлично подходил для такой работы.

Вырубив два кола с рогатками, он воткнул их в землю, уложил сверху жердь и принялся строить заслон – простейшее укрытие от непогоды, представляющее

собой половинку двускатного шалаша. Что шалаш, что заслон Лёха умел сооружать с детства: сказалось время, проведённое у бабушки в деревне. Служба добавила к этим полезным навыкам много других знаний, которыми он сейчас и воспользовался.

На роль лапника отлично подошли ветки неизвестного дерева с длинными и широкими листьями. Их Стриж и прикрепил к жерди, используя полоски коры вместо верёвок. Затем накидал внутрь таких же веток, накрыл плащом – и получилась постель, на которую он перенёс дрыхнущую девчонку.

Её сон настораживал: не может человек так крепко спать несколько часов кряду, не реагируя ни на что вокруг. Даже одна из бывших Лёхиных дам сердца, носившая подпольное прозвище Храпунцель, не была способна на подобное. А эта девчонка – вон, безмятежно сопит в две дырочки.

Может, её опоили чем-то незадолго до побега?

– Спящая царевна, новая версия, – хмыкнул Стриж, берясь за разведение костра.

Девчонку требовалось обогреть и просушить. Они с Мией – взрослые, да и движение изрядно грело кровь. А спящая беглянка, судя по одежде и отсутствию мозолей на руках, явно не из крестьянок и вряд ли была готова к подобным испытаниям.

Увы, об открытом огне не могло быть и речи: чёрт его знает что с ним и эльфийкой, но девчонка – явно ценная пленница, или почётная заложница. Не зря же её держали в богатом охраняемом шатре. Такую будут искать, а дым – прекрасный ориентир.

Миа тоже явно пришла к выводу, что мокрая одежда – это не то, что нужно подростку в лесу. Она сняла с магички платье и укрыла её же плащом. Абсолютно сухим, надо сказать.

Этот факт несколько озадачил обоих беглецов. Обычная на вид материя с богатой вышивкой серебром оказалась совершенно водонепроницаемой. Если бы девчонка не падала в грязь – отделалась бы лишь мокрым подолом платья.

Помяв ткань плаща в пальцах, Лёха счёл, что скорее всего тот пропитан чем-то водоотталкивающим и пожалел, что его одежда подобным похвастаться не могла.

– Алекс! – окликнула его Миа, поманила к спящей девчонке, а затем указала на её ладонь.

Подойдя, Стриж увидел затейливый орнамент, нарисованный чем-то вроде золотой краски.

– Местный модный боди-арт? – вслух спросил он, потерев пальцем рисунок.

Тот, несмотря ни на влагу, ни на давление, не размазался. На Лёхиной коже тоже следов не осталось. Озадаченно хмыкнув, он пожал плечами и вернулся к делам.

Местные татуировки вызывали сейчас наименьший интерес.

Пока вещи сохли, Стриж занимался разведением огня, чтобы обогреть девочку. Он поудобнее перехватил меч и принялся копать яму под кострище. Работа шла споро и вскоре он уже рыл отнорок-поддувало. Такую конструкцию называли «дакотский очаг» или «костёр разведчика»: яма скрывала пламя костра, а приток воздуха из поддувала способствовал снижению дыма, заставляя тот едва не стелиться над землёй.

Пока Стриж изображал землекопа, Миа натаскала сухих веток, умело уложила часть из них в яму и с помощью затрофеенного у убитых стражников огнива развела костёр.

Необычные навыки для полицейского. Хотя, может у них там и городских копов учат выживать в сельве?

Хватало и других странностей в поведении новой знакомой: сняв пласт дёрна, она какое-то время изучала срез, потом раскрошила землю в руке и принюхалась. Затем поймала жука и зачем-то разрезала того отобранным у Лёхи ножом.

– Ты что делаешь, изверг? – опешил тот.

Бессмысленность действия озадачивала. Но вполне могло оказаться, что это лишено смысла только на его взгляд, а для Мии имеет какое-то значение? Могла она проверять жука на предмет съедобности? Не, бред какой-то: невозможно определить визуально можно есть насекомуса, или нет.

– Надеюсь, ты не будешь это пробовать, – искренне пожелал Лёха.

Щёлкнув пальцами, чтобы привлечь внимание девушки, он кивнул на насекомое и вопросительно поднял бровь: мол, что делаешь? Та лишь махнула рукой, явно не собираясь играть в «крокодила» ради объяснения. Вместо этого Миа срезала землю вокруг растения, взяла тот за стебель и очистила от почвы. Но есть не стала, а с интересом изучала корневую систему.

– Коп, энтомолог и ботаник, – поняв, что у девушки чисто научный интерес, хмыкнул Стриж. – Прям пара Тони Старку – миллиардеру, бабнику и филантропу.

Конечно, спутница его не поняла, продолжив странное занятие. К какому выводу она пришла – так и осталось загадкой. Как и то, зачем сплетала его срезанные волосы.

Вскоре, занялась она и своей причёской: всё тем же ножом Миа укоротила уже собственную шевелюру. В отличие от Лёхи, она оставила достаточно волос, чтобы собрать их в «хвост», без затей перевязав тот гибким и прочным стеблем какого-то растения.

– А моя бывшая пропадала в парикмахерской часами, – умилился такой практичности Стриж.

Конечно, Миа его не поняла. Зато объяснила жестами, что скоро вернётся, и ушла в лес, прихватив с собой сплетённую из волос верёвочку.

– С чужими людьми не говори! – шутливо напутствовал её Лёха, гадая, что же задумала спутница.

В том, что она не пропадёт, он даже не сомневался.

Сам же он принялся искать крупные камни, которые сразу закидывал в костёр. Дождавшись, пока они раскалятся, Стриж выкатывал их на заранее подготовленный крупный лист, заворачивал и засовывал внутрь импровизированной постели, на которой спала девчонка. Вовремя – та уже свернулась клубочком под плащом и постукивала зубами от холода.

– Ых, пожрать бы теперь, – вздохнул Лёха, убедившись, что подопечная согрелась. – Что-то уже кишка кишке лупит по башке…

От полученных на службе навыков по добыче пропитания в лесу сейчас особого толка не было. Какие растения тут съедобны он не представлял, а живность благоразумно держалась подальше, предпочитая свистеть и чирикать в густых кронах деревьев, откуда их хрен достанешь без чего-нибудь дальнобойного.

А ничего дальнобойного у него с собой и не было.

– Может, у тебя что-то полезное найдётся? – спросил Стриж у спящей, вспомнив о сумке.

Бутербродов там не будет, но может что-то вроде местного лембаса отыщется? В конце-концов, эльфы же тут обитают. Очень голодные эльфы.

В сумке при тщательном осмотре не обнаружилось ничего, кроме металлической шкатулки с изображением явно хищной птицы.

Справившись с незатейливой щеколдой, Лёха открыл крышку и разочарованно вздохнул: вместо чего-то дельного внутри, аккуратно разложенные по ячейкам, располагались ювелирные украшения. В отдельном отсеке лежали белые тканевые перчатки на женскую руку: наверное, их полагалось надевать, прежде чем начать перебирать побрякушки, дабы не залапать благородный металл.

– Женщины… – Стриж не сдержал ещё один разочарованный вздох. – Это ж додуматься: сбегать в лес, прихватив лишь ювелирку.

Поразмыслив, он всё же признал, что при наличии рядом поселений такой выбор имел смысл. Украшения лёгкие и, вероятно, ценные. Такие можно обменять и на припасы, и на лошадь, а может и на охрану.

Вот только ближайший магазин, готовый сменять золото на еду, неизвестно где, а есть хочется здесь и сейчас.

Вытряхнув на ладонь одну из побрякушек – что-то вроде медальона-пентаграммы, которые так любят таскать представители разного рода субкультур, – Лёха озадаченно нахмурился. Вещица была холодной. Не прохладной, как полагается металлу, а просто ледяной.

Он попытался скинуть странную побрякушку обратно в мешочек, но та будто намертво примёрзла к коже.

– Что за… – Стриж затряс рукой, стараясь сбросить проклятую цацку, но медальон продолжал охлаждаться, обжигая не хуже огня.

Хотелось орать от боли, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Тело скрутило судорогой, Лёха упал в траву и осознал, что не может даже пошевелиться.

Всё, что ему оставалось – с ужасом наблюдать, как медальон погружается в ладонь, словно нож в масло. А потом в уши врезался тот самый инфернальный звук, с которого началась атака на лагерь.

Перед тем, как сознание угасло, Стриж успел подумать о том, как бездарно завершилась его короткая вторая жизнь.

В этот раз тоже не было ни жемчужных врат, ни апостола Петра. Лёху трясли, как грушу, периодически отвешивая жгучие пощёчины.

– Деспиэрта, гринго![9 - Деспиэрта, гринго! – очнись, чужак (исп.)] – в голосе Мии смешались тревога и злость.

С трудом разлепив внезапно ставшие тяжёлыми веки, Стриж убедился, что чёртов Галилей прав – Земля вертится. Причём под лихим углом и с бешеной скоростью. К счастью, приступ головокружения прошёл до того, как вестибулярный аппарат в союзе с желудком решили выразить протест подобным издевательствам.

– Да не тряси ты меня, женщина… – Лёха сбросил с плеч руки Мии и кое-как принял вертикальное положение. – Ох…

Встряхнувшись, словно вылезший из воды пёс, он оглядел свою ладонь и выругался: на ней красовалось изображение трижды клятого амулета. Золотые линии складывались в знакомый рисунок пентаграммы, а его качество вызвало бы зависть у любого тату-мастера.

И холод…

Стриж так не мёрз ночью, под непрекращающимся дождём, как сейчас, под припекающим солнышком.

– Ну и что это за срань? – вслух задал он риторический вопрос и тут же крикнул Мие. – Не трогай!

Та как раз протянула руку к выпавшему из шкатулки браслету. На её недоумённый взгляд – мол, чего орёшь, болезный? – Лёха сжатым кулаком указал на браслет, обозначая опасность, исходящую от предмета.

Девушка посмотрела на него, как на умалишённого, но руку от украшения убрала и выжидательно выгнула бровь. Стриж кулаком указал на шкатулку, затем продемонстрировал «татуировку» и трижды хлопнул ладонью с оттопыренным большим пальцем по груди – «ранен», – объясняя причину своей отключки.

Девушка перевела взгляд с безобидных побрякушек на Лёху, затем обратно, и отошла на пару шагов от неожиданно-опасных предметов.

Оставив в покое шкатулку, девушка взялась за осмотр «раненого». Особых результатов он не принёс: не было никаких видимых повреждений, не считая татуировки. Зато прикосновения тёплых, почти горячих рук оказались очень приятны.

Стриж трясся от холода с того самого мига, как очнулся, и сейчас он испытывал острое желание скинуть девчонку с тёплого лежака, улечься на прогретые камни и потребовать с магички ответа на главный вопрос последних суток:

«Какого хрена вообще происходит?!»

А ещё он бы многое отдал за возможность прижаться к горячей эльфийке и укутаться в сухое одеяло. Вот только одеяла не было, да и Миа вряд ли оценит такой порыв. Она как раз закончила осматривать его глаза, растерянно развела руками, демонстрируя полное непонимание происходящего, и уселась на ствол поваленного иссохшего дерева.

К немалому изумлению, эльфийка опустила руку в траву, подняла птичью тушку и принялась задумчиво её ощипывать. Лёха щёлкнул пальцами, привлекая внимание, показал на птицу, напоминающую фазана, и скорчил вопросительную физиономию, мол, как удалось добыть?

Его мимические потуги Миа истолковала верно. Отложив добычу, она продемонстрировала пращу, сплетённую из его же волос.

– Ну ни хрена себе вас выживанию обучают, – восхитился Стриж, на минуту забыв даже о своих неприятностях.

Немного понаблюдав за умело ощипывающей добычу девушкой, он подошёл к спящей магичке и легонько похлопал её по щекам. Та вяло заворочалась и натянула плащ по самую макушку, прячась от назойливой помехи.

Лёха на секунду замер, борясь с нахлынувшей тоской: точно так же реагировала на побудку его младшая сестра – ровесница этой соплюхи. Он как раз должен был вернуться из командировки к её школьному выпускному.

– Потом сопли пораспускаю, – зашипел сам на себя Стриж.

Не помогло. Он сел рядом с девчонкой и тупо уставился в землю. Сейчас, когда схлынуло напряжение, перед ним отчётливо раскрылась глубина задницы, в которую он угодил. Вся прошлая жизнь закончилась. Командировки, служба, дом – всё, Лёха, забудь и выкинь. Даже тушка твоя бренная – и та теперь чёрти где. Если вообще сохранилась после взрыва.

Стриж взглянул на Мию. Вот кого происходящее, похоже, не выбило из колеи: сидит себе, птаху ощипывает. Никакой лишней рефлексии.

Невозмутимое спокойствие девушки помогло Лёхе собраться. Он жив – это сейчас главное. Остальные вопросы можно решить по ходу дела. Не исключено, что есть шанс вернуться домой и ещё успеть поздравить сестрёнку с выпуском из школы.

А сейчас чтобы выжить нужно разобраться в происходящем.

Стриж встряхнулся и принялся тормошить девчонку, предусмотрительно держась вне досягаемости её рук.

– Подъём, Спящая Красавица! Принца революционная толпа повесила, так что будим как можем!

Успеха он добился только через пару минут. Девчонка походила на больного после наркоза: взгляд мутный, движения вялые, соображает явно с трудом.

Похоже, её всё же чем-то опоили в том шатре.

Когда наконец в голубых глазах беглянки появилось осмысленное выражение, она первым делом плотней завернулась в плащ и, стараясь скрыть дрожь в голосе, спросила:

– Почему я без одежды?

То, что обошлось без пиротехнического шоу, внушало умеренный оптимизм. А вот сам разговор не заладился. Выслушав ответ Мии, девчонка сказала:

– Я не понимаю язык пустотников.

Насколько Лёха успел понять, пустотниками тут называли их с Мией. Но почему они прекрасно понимали каждое сказанное слово что этой девчонки, что ныне покойных стражников, а их слова слушатели не воспринимали? И, раз уж на то пошло, почему они с эльфийкой говорили на разных языках, но при этом оба легко понимали местных?

Вопросы, вопросы.

Поймав опасливый взгляд магички, Лёха верно истолковал его причину и отошёл к костру, взявшись за сооружение вертела из веток.

Вряд ли какая-то девчонка-подросток придёт в восторг, проснувшись в лесу практически голой, да ещё и в компании незнакомого мужика. На этом этапе контакт лучше налаживать Мие.

Та попыталась объясниться жестами: демонстративно выжала край своей рубахи, затем указала на себя, на девчонку, и изобразила, как снимает одежду.

Ответ беглянка явно поняла и заметно успокоилась.

– Миа, – повторила «эльфийка» ритуал знакомства, ткнув пальцем сперва в себя, а затем в Лёху. – Алекс.

И вопросительно уставилась на незнакомку.

– Лаура из рода Лазурных Кречетов, – представилась та с таким достоинством, будто не сидела в лесу, укутанная лишь в плащ, а стояла на паркете в шелках и золоте. Впечатление немного портила лёгкая заторможенность, но с каждой минутой взгляд девчонки всё больше прояснялся.

Лёха раздражённо дёрнул щекой: меньше всего его сейчас интересовало имя туземки – были вопросы куда существеннее. Понять бы ещё, как их задать…

Истошный нечеловеческий визг буром ввинтился в мозг. Голова взорвалась дикой болью, мир завертелся перед глазами и Стриж осознал, что падает прямо в костёр. Единственное, что он успел – выставить руку, чтобы не рухнуть лицом в пламя.

Проклятый звук не умолкал, причиняя такую боль, что хотелось вонзить нож себе в висок. Но и этого он проделать не мог: тело не слушалось. Всё, на что Лёха был сейчас способен – это таращиться на расплывчатое пятно перед глазами и чувствовать, как его волокут по мокрой земле.

– Мерда[10 - Мерда (mierda) – дерьмо (пер. исп.)]… – услышал он голос Мии, когда в голове наконец прояснилось.

Она сидела рядом с ним на корточках и палкой тыкала в ладонь, пылающую болью от ожога.

– Да живой я, живой, – с трудом буркнул Стриж.

В заторможенном, болезненно-воспалённом мозгу всплыла старая шутка: «потыкай его палочкой – может, он мёртвый».

Хотя, если подумать, какие уж тут шутки. Мёртвый и есть.

Оттолкнув руку эльфийки, Стриж помотал головой, прогоняя остатки боли. А когда взглянул на обожжёную левую руку – застыл в обалдении: кисть покрывало что-то вроде щитков на штурмовой перчатке. Ну, или как на латной рыцарской. Не всю – только тыльную часть, но и этого хватило, чтобы Лёха забыл про набухающий волдырь.

– Это что за срань? – растерянно выдохнул он, разглядывая конечность.

Тот факт, что это – часть его собственного тела, сомнений не вызывал. Выглядело так, словно кожа в момент ороговела, образовав что-то вроде чешуи броненосца или панголина.

– Это что за сраная мутация? – Лёха обернулся к единственному источнику информации, который мог хоть что-то прояснить.

Сунув руку под нос девчонке, он грозно вопросил:

– Это, мля, что за нахрен? Что за, мать их, версия «Людей на букву „Ху“»? Что за грёбань выла у меня в башке? А?!

При виде чешуи глаза Лауры удивлённо расширились, а взгляд заметался в поисках чего-то.

– Ты трогал мои вещи? Ты к чему-то прикасался? – требовательно, будто имела на это какое-то право, спросила она.

В ответ Стриж молча продемонстрировал правую ладонь со свежей татуировкой.

Магичка раздосадованно дёрнула щекой и приказала Мие:

– Ты, принеси мою одежду.

Ответом ей был скептический взгляд. Эльфийка, и не подумав выполнять приказ, подняла оструганную раньше палку, нанизала на неё птичью тушку и принялась прилаживать ту над огнём.

– Потом красоту наведёшь, – раздражённо рявкнул на магичку Лёха. – Что это за хрень?!

– Я не понимаю твой язык, пустотник! – взорвалась Лаура.

– А вот так понимаешь?! – утративший терпение Стриж схватил девчонку за плечо и вновь сунул ей под нос татуированную ладонь.

Не самое разумное поведение, если вспомнить, что несколько часов назад эта самая соплюха в два взмаха сожгла закованного в латы вояку и здоровенную тварь, но в эту минуту Лёхе было уже плевать.

– Говори, ведьма малолетняя, – задушевным голосом попросил он. – Не доводи до греха.

Может, слов Лаура и не понимала, зато тон распознала безошибочно. Сглотнув, она поспешно заговорила.

– Ты, пустотник, активировал незавершённый артефакт, который питает заключённый в нём высший демон, – она указала на пентаграмму, украшающую ладонь Стрижа. – Теперь он – часть тебя.

– Зашибись, – Лёха отпустил магичку и уселся рядом.

Почему-то он ни на секунду не усомнился в правдивости этого фантастического заявления. Может потому, что голова ещё гудела от нечеловеческого воя, а может и благодаря странному холоду, пронизавшему тело.

– Зашибись, – ошалело повторил он и вновь обернулся к собеседнице. – Так, а в башке что было?

Он указал на свою голову, а потом изобразил руками взрыв. Очевидно, не самый удачный образ для общения с жителем средневековья. Не найдя понимания во взгляде магички, он достал нож и изобразил, как тот раз за разом пронзает ему висок.

– Тебе будто нож в голову воткнули? – поняла девчонка, отодвигаясь.

Стриж кивнул.

– Честно говоря, я не очень хорошо понимаю, что с тобой происходит, – помедлив, нехотя призналась Лаура. – Артефакт предназначен для магов, а не для пустотников. И он не завершён.

Яснее не стало и Лёха покрутил рукой, призывая говорить дальше.

– Сперва демона заключают в сосуд, затем ослабляют долгой голодовкой, – принялась пояснять магичка. – Затем на него набрасывают плетение покорности и только после всего этого вживляют в нового хозяина. Демон, лишённый собственной воли, подчиняется магу и помогает оберегать его тело, питаясь жизненной силой из крови.

Плотней укутавшись в плащ, она поднялась и медленно, будто впервые встала после продолжительной болезни, побрела к висящему на ветке платью. Шла босиком по мокрой траве, то и дело морщась. Ходить без обуви она явно не привыкла.

– Демон в твой амулет заключён недавно и не успел ослабнуть, – продолжила свой шизофренический ликбез Лаура. – На вместилище не нанесено плетение покорности. Воля демона не сломлена. На ближайшие пару месяцев ты – его вместилище и пища.

– А потом? – автоматом уточнил Лёха, всё ещё осмысляя сказанное.

– А потом ты умрёшь.

Глава 3

Словам Лауры Стриж почему-то поверил сразу. Чего-то подобного он и ожидал: прямо достойное завершение всей случившейся с ним психоделики.

– Ну охренеть и не встать – я для тамагочи ещё и батарейка, – развёл он руками.

О существовании древней, как дерьмо мамонта, игрушки под названием «тамагочи» Лёха узнал от своего старшины в училище. Прапорщик предпенсионного возраста носил такой позывной, непонятный молодым курсантам.

Собственно, этот уникум умудрился поддерживать жизнь своего электронного питомца больше двадцати лет. Во время Первой Чеченской кампании именно забота о виртуальном животном и стала той соломинкой, что позволила тогда ещё девятнадцатилетнему парню не поехать крышей.

А вот у Стрижа, похоже, складывалась обратная ситуация: его «тамагочи» грозился уморить хозяина, предварительно изрядно пошатнув веру в собственную вменяемость.

– Да гребучей Алисе в её сраной Стране Чудес такое и не снилось, мля! Это не грибы у укуренной гусеницы жрать… – злой рык сменился озадаченной паузой, за которой последовал вопрос: – Э, а куда всё делось?

Левая рука вновь приобрела прежний вид. Даже ожог перестал болеть, а волдырь пожелтел, словно не только вздулся, а с неделю назад. Стриж осторожно притронулся к месту ожога, надавил сильнее, а потом просто содрал омертвевшую кожу.

– Мотать-колотить, – поражённо выдохнул он, глядя на розовое пятно на том месте, где должна была быть рана.

Это заинтересовало и Мию. Она оставила вертел с мясом, подошла к Лёхе и повертела руку, разглядывая затянувшийся ожог. Следующую тираду,

сопровождаемую эмоциональной жестикуляцией, Стриж не понял, но мысленно обозначил как матерную. Да у него и самого цензурных слов сейчас просто не оставалось.

Наблюдавшая за ним Лаура пояснила:

– Демон обживается в теле и защищает его от разрушения. У магов это занимает несколько недель, но в твоём случае демон сохранил разум…

Она неуверенно пожала плечами, давая понять, что до Стрижа добровольцев на роль одержимых не находилось.

– Может произойти всё, что угодно, – заключила магичка. – Демон быстро адаптируется и сделает тебя сильнее, или же начнёт испытывать нового носителя и убьёт тебя за пару часов, осушив. А может попытается подчинить и забрать контроль над телом. Я слышала подобную легенду о неосторожном маге, допустившем ошибку в плетении покорности. Но ни в одной легенде демон не доставался пустотнику.

Игнорируя вытянувшееся лицо Стрижа, она, явно пересиливая себя, обратилась к Мие:

– Поможешь мне одеться? Я не смогу сама, без служанки. А нам нужно бежать. Как только граф дождётся подмоги и разлом закроют – он отправится в погоню.

Картинно поколебавшись, явно в воспитательных целях, Миа кивнула и снизошла до помощи излишне нахальной малявке.

– Надеюсь, ходить и есть самостоятельно, без служанки, ты можешь? – риторически поинтересовался Стриж просто ради того, чтобы что-то сказать.

Новости выбили его из колеи. Прошлая жизнь подготовила его ко многому, но не к подобному. Демон-паразит с непредсказуемым поведением, трёхголовые Церберы местного разлива, колдуны-прожекторы с встроенными огнемётами, чужое тело – и всё как-то кучно, на одну его бедовую голову. И вишенкой на торте – некий граф, жаждущий их лицезреть. Причём явно не в качестве дорогих гостей.

На фоне всего этого собственная смерть и факт существования другого мира как-то блекли.

– Нехреново так у меня новая жизнь начинается, – вслух подвёл итог размышлениям Лёха. – Прям даже будет, что внукам рассказать.

Тут он понял, что на него красноречиво смотрят две пары глаз.

– А, ну да, – без слов понял намёк Стриж и деликатно отвернулся, чтобы не мешать облачению ясновельможной дамы Лауры из рода Лазурных Кречетов.

Чёрт его знает как Миа сумела донести до девчонки вопрос, но прозвучавшее заставило Стрижа навострить уши.

– Почему вы меня понимаете, а я вас – нет? – переспросила Лаура. – Вы – пустотники, души из чужого мира. Вас призывают и заключают в подходящие тела, чтобы черпать магическую силу, пригодную нам, людям.

– Кэ[11 - Кэ? (Que?) – что? (пер. исп)]? – раздался обалделый голос Мии.

– Магическая сила разлита в мире, как дождевые капли, – попыталась объяснить девчонка, уловив вопросительный тон. – Мы, маги, способны собирать её медленно, по капле. Вы же подобны яме, в которой быстро скапливается вода. Пустота, которая заполняется разлитой вокруг силой. И её можно черпать.

Звучало бредово. Совершенно бредово, но… Лёха потрогал свежую розовую кожу на месте ожога и покачал головой. В это он бы тоже не поверил, если вдуматься.

– Для вас эта сила бесполезна, – продолжала объяснять Лаура. – Вы не часть нашего мира и не способны её использовать. Но и наши заклинания не действуют на пустотников. Если маг попытается испепелить вас созданным огнём – вы останетесь невредимы.

Лёха вспомнил странное пламя, сквозь которое они с Мией проскочили во время побега.

Кстати о пламени… Стриж, не оборачиваясь, бочком подобрался к костру и повернул вертел, чтобы завтрак не подгорел.

Сказать ему было нечего. Полученная информация с трудом укладывалась в голове жителя двадцать первого века: магия, демоны, «батарейки» из людей… Фильмы про Гарри Поттера стоят в сторонке и тихонько вздыхают от зависти! Для полного комплекта безумия не хватает лишь драконов и девахи, ими управляющей.

– Демоны тоже не принадлежат нашему миру, но для их сил вы уязвимы, – без запинки, слово по учебнику говорила девчонка. – Потому маги подчиняют себе пустотников с помощью демонических артефактов и используют, как источники, из которых можно черпать силу для сотворения заклинаний. Лишённым воли пустотникам не требуется разговаривать – только понимать приказы. Потому для вас создают плетения, дарующие лишь понимание языка хозяев.

Стриж криво усмехнулся. Хозяев, ну надо же. Меньше всего ему хотелось провести остаток жизни на побегушках у какого-то хмыря с волшебной палочкой. Ну, или чем они тут машут перед тем, как колдануть.

Кое-что в рассказе не сходилось. Девчонка сказала «лишённым воли», но ни Лёха, ни Миа таковыми не были. Нестыковочка, которую хотелось бы разъяснить.

Когда эльфийка присела напротив него у костра, Стриж обернулся. Уже одетая Лаура прижимала к груди злосчастную шкатулку и как раз доставала из той перчатки. Лёха запоздало осознал их предназначение и пообещал себе больше не касаться тут никакой неведомой хрени голыми руками.

В той жизни его учили, что смерть может подстерегать где угодно. В куче мусора обустроит лёжку снайпер, валяющийся на обочине пакет из-под сока окажется самодельной миной, а в безобидной легковушке может сидеть, поджидая колонну, смертник. Это были реалии его мира. Ювелирные же украшения всегда оставались безобидными побрякушками, опасными разве что для своих владельцев, попавшихся на глаза бандитов. Кольца с ядом, вроде пресловутого перстня Борджиа, были для Стрижа полумифической экзотикой, сохранившейся в музеях и частных коллекциях.

Надо будет при первой же возможности узнать, что ещё в этом мире таит в себе неочевидные опасности, потому что шарахаться от всего подряд – так себе затея. Та же трава, если вдуматься, может оказаться экзотическим хищным растением. Что теперь – срочно достигать просветления и воспарить?

Мию же явно интересовали более приземлённые материи. Она деловито потыкала птичью тушку ножом, проверяя степень готовности. Убедившись, что есть ещё рано, эльфийка коротким свистом окликнула Лауру.

Судя по оскорблённому виду девчонки, так пренебрежительно с ней никогда не обращались. Эльфийка же ткнула пальцем сперва в шкатулку, затем на свои губы, а после на уши Лауры.

Та озадаченно моргнула и эльфийка вновь показала связку «губы-уши».

– Вы хотите говорить на моём языке? – наконец догадалась магичка.

Миа кивнула, а Лаура задумалась.

– Это возможно, но займёт время, – предупредила она. – Нас будут искать. Может Старый Змей и занят охраной разлома, но кого-то в погоню он точно пошлёт. Мы должны уйти как можно дальше.

Лёха переглянулся с Мией. С одной стороны – да, лучше уходить. С другой – среди вояк не было никого, похожего на егерей или лёгкую пехоту. Только кавалеристы в латах. Плюс ливень надёжно смыл следы беглецов. Так что пока прибудет подмога с профильными специалистами, пока разберутся, в каком направлении искать… А вот понимание ситуации и оперативный обмен информацией им жизненно необходимы. Как и еда – сил предстоит потратить немало.

Решившись, Стриж повторил жест Мии, показав, что тоже хочет быть понятым.

Несмотря на по-летнему тёплое утро, его всё ещё знобило. Не помогала даже близость к костру – тепло просто улетучивалось, словно где-то внутри кто-то забыл прикрыть форточку в Арктику.

Поддавшись порыву, Стриж медленно выдохнул, опасаясь увидеть морозный парок.

Ничего. Странно.

Нечто отдалённо похожее Лёха испытывал всего раз, когда ещё на третьем курсе его угораздило распороть руку и потерял довольно много крови. Может, у прежнего владельца тела малокровие? Не, вряд ли – тогда чёрта с два он скакал бы таким лихим козликом всю ночь, да ещё и под грузом в виде девчонки. Но опять же – хрен знает, что там за физиология у остроухих.

Может, дело всё же в демоне и том ледяном амулете?

Никто, кажется, не замечал, что Стрижа знобит в тёплое летнее утро.

– Не уверена, что смогу, – предупредила Лаура, выуживая из шкатулки что-то, похожее на золотое стило. – Я изучала полную структуру этого плетения в книге и, если верно разобралась, всё получится. Но я ещё никогда не пробовала это на практике.

Миа вопросительно мотнула головой, словно предлагая Лёхе идти первым. В принципе, логично: он и так кандидат в покойники, а значит лучший подопытный из них двоих.

– Нашли, блин, лабораторную крысу, – зло проворчал он, но согласно кивнул.

Раз уж карма у него сегодня такая – все шишки огребать, – то и фиг с ним. Хуже уже вряд ли будет.

Вновь свиснув, Миа ткнула пальцем сперва в Лёху, затем в Лауру и демонстративно провела ножом у горла.

Молчаливое предупреждение поняли все. Новость о невосприимчивости пустотников к магии ставила Мию в позицию, позволяющую диктовать свои условия. Вообще, с того самого момента, как «эльфийка» услышала о судьбе пустотников в этом мире, её симпатий к спасённой явно поубавилось.

Лёхе стало интересно: сумеет ли эльфийка при необходимости выполнить угрозу? Сам он вряд ли смог бы спокойно зарезать подростка. И очень не хотел проверять это на практике. И, говоря откровенно, не особенно горел желанием иметь дело с тем, кто может.

На Лауру, похоже, угроза подействовала. По крайней мере, на нож она косилась с опаской.

Повинуясь жесту девчонки, Стриж закатал рукав рубахи до плеча.

– Хоть на жопе ничего не нарисовали? – мрачно поинтересовался он, разглядывая затейливый золотой узор, охватывающий бицепс.

Сложный, полный мелких деталей рисунок напомнил виденные по научно-популярному каналу национальные орнаменты. Передача была то ли про инков, то ли про ацтеков, то ли про какой-то ещё глубоко безразличный Лёхе народ.

Там, в графском лагере, было не до подробного осмотра и татуировку он попросту не заметил. А на переодевающуюся напарницу он тогда вежливо не смотрел. Как оказалось – зря. Кто знает, какие ещё сюрпризы скрывают их новые тела?

Пока Лаура, закусив губу, сосредоточенно изучала рисунок, Стриж рассматривал странный предмет в её руке. С виду – литой кусок металла без видимых отверстий, желобов для краски, или завинчивающихся деталей.

– Будет очень больно, – «обрадовала» его девчонка. – Но недолго. Мне нужно нанести семь линий, чтобы изменить плетение.

– Вот где ты раньше была, когда я тату-мастера искал? – хмыкнул Лёха, жестом подбадривая Лауру.

Всё ещё ожидая появления иглы, он с недоумением наблюдал за приближением к руке золотого стила.

Когда острие прикоснулось к телу, вместо укола Стриж ощутил жжение, будто от попавшего на кожу кипящего масла. Лёха зашипел от боли, но руку удержал,

хотя очень хотелось прекратить пытку и влепить подзатыльника юной садистке. Вспомнилось, как на втором курсе с однокашниками по пьяной лавочке «проверяли силу воли», держа запястье над огнём зажигалки. Тогда алкоголь играл роль обезболивающего, а вот сейчас такой «анестезии» не было. Пришлось терпеть, благо хоть было на что отвлечься: наконечник стила плавился, застывая на коже золотыми линиями.

– Гребучее средневековье, – выругался Стриж, отворачиваясь, чтобы скривить от боли рожу. – Что ж вы, гады, всё по живому норовите…

Память, как водится, подбросила занимательный и совершенно бесполезный в этой ситуации факт: раны в Европе вплоть до девятнадцатого века лечили, заливая в них кипящее масло.

Лёха от души понадеялся, что здесь медицина шагнула дальше.

Боль в плече сменилась назойливым зудом.

– Убери это! – удивительно властно для малолетней соплюхи приказала Лаура.

– Тон смени, – отозвался Стриж, оборачиваясь, – пока…

Что «пока» – он не договорил, обнаружив очередной сюрприз от своего демонического «тамагочи»: на плече выросла чешуя, защищающая от ожогов.

– От души спасибо, братан, – поблагодарил Лёха «квартиранта». – Но вот сейчас – вообще не в тему.

Откуда-то изнутри поднялась волна нечеловеческой злобы. Хотелось порвать девчонку, причинившую ему боль, а потом сожрать, купаясь в горячей крови.

Последнее желание вызвало чувство полного охренения и осознание чужого присутствия. Тот, кто сидел в его теле, бился в бессильной ярости, желая растерзать мучительницу.

Наверное, что-то отразилось на лице Стрижа. Возможно даже в буквальном смысле – очень уж по-хозяйски «пассажир» начал менять его тело. По крайней

мере Лаура уже не пыталась приказывать, а медленно, не делая резких движений, поднялась и попятилась.

– Если демон овладеет им, то убьёт всех нас, – теперь в её голосе звучала даже не тревога, а плохо скрытый страх.

И обращалась она к Мие, обеспокоенно наблюдавшей за Лёхой.

– Мои силы истощены, я не сумею его остановить, если он переродится в какую-то тварь, – предупредила Лаура, не особенно заморачиваясь тем, что Стриж тут и слышит её. – И ты вряд ли сумеешь. Но вместе…

Взгляд эльфийки не отрывался от Лёхи. Она ничего не предприняла, но приглашающе махнула рукой, предлагая девчонке развить мысль.

– Ты – пустотница, я могу черпать из тебя силу после привязки, – быстро проговорила Лаура. – У меня есть с собой артефакты, привязка происходит почти мгновенно.

– Ну абзац… – протянул Стриж, с тревогой прислушиваясь к своим ощущениям.

Для полного счастья ему только одержимости демоном не хватало. Нет, ну что за грёбаный мир: человек из его мира тут либо марионетка какого-нибудь сраного местечкового Дэвида Блэйна, либо транспорт для демона. Срань полная. Ну вот почему он не попал, как все нормальные люди в беллетристике, в земное прошлое? Учил бы сейчас советских конструкторов командирскую башенку к танку приваривать, или в нормальном средневековье без всякой магии прогрессорством занимался.

Но демон не торопился с подчинением. Стриж всё ещё чувствовал чужие злость и желание убивать, но телом вполне владел. А вот милая девочка Лаура стелила мягче чужеродной твари, но вела к тому же результату. Сама же недавно рассказывала, что маги лишают свои «батарейки» воли. А также то, что пустотники невосприимчивы к её магии. Много ли будет толка, даже восполни Лаура магическую силу?

Похоже, Миа тоже прекрасно помнила эти нюансы и отрицательно покачала головой. А потом снова указала на Лёху и повторила связку «ухо-губы».

– Я не могу завершить плетение, пока он обрастает чешуёй! – в голосе Лауры недовольство смешивалось с плохо скрываемым страхом. – И зачем это, если его подчинит демон?

Миа вопросительно посмотрела на Стрижа. Тот пошевелил руками, встал, подпрыгнул, затем пару раз отжался и, удостоверившись, что всё в порядке, показал эльфийке большой палец.

– Норма, – объявил он результат нехитрого теста, а затем озадаченно уставился на чешую, соображая, как её убрать.

Ничего дельного в голову не приходило. Вообще как приручают демонов? На Земле такая живность если и водилась, то вымерла немногим позже динозавров. Последних выживших всякие рыцари и святые доколошматили, не сообразив даже инструкцию потомкам на всякий пожарный оставить. Сиди теперь, соображай, что да как.

– Э, квартирант, – без всякой надежды на успех окликнул демона Лёха. – Есть кто дома?

И постучал кулаком по лбу.

Тишина.

Не исключено, что демон просто пребывает в ужасе, сообразив, куда и к кому попал. По крайней мере Стриж точно бы ударился в панику, оказавшись в башке такого долбоклюя с собачьим везением.

Потыкав ножом птичью тушку, Миа отложила ту в сторону и поманила Лёху пальцем:

– Вэну[12 - Вэну (venu) – подойди (пер. эсперанто).].

– Бамбармия, – огрызнулся Стриж. – Киргуду. Чё надо?

Эльфийка жестом попросила его сунуть ногу в огонь. Босую ногу. В огонь.

– Тебя что, эта сопля заразила садизмом? – едко поинтересовался Лёха. – Или ты всегда такой была?

Эльфийка похлопала себя по плечу, а затем, наклонившись, по ступне.

– Вот я осёл… – вздохнул Стриж, поняв задумку. – Извини, дружище, был не прав.

Всё верно: демон защищает тело носителя. Сейчас угрозы плечу нет, а если сунуть ногу в костёр – он переключится на новый источник угрозы. И, вполне вероятно, уберёт чешую с плеча.

Вытащив с помощью меча головню из костра, Лёха поднёс её к ноге. За жаром не последовало ожидаемой боли: как он и надеялся, демон оперативно кинулся устранять новую угрозу.

– Татуируй, фигли встала? – рявкнул Стриж на опешившую девчонку.

Та растерянно моргнула, но тут же бросилась завершать рисунок. До того, как чешуя вновь отросла на плече, она успела нанести ещё две линии.

– Вот засранец… – выругался Лёха, закидывая головешку обратно в костёр.

Мир закружился перед глазами, и лишь рухнув в грязь Стриж запоздало осознал, что ноги его не держат.

– Демон его истощает, – услышал он голос Лауры.

Он попытался сесть и возразить, что всё в норме, но сумел лишь повернуться набок. Слабость навалилась такая зверская, какой не было даже после марш-бросков на первом курсе. Стриж понял, что ощущает выброшенная на берег медуза – то же, что он сейчас.

Да ещё этот грёбаный холод…

– Татуху завершила? – хрипло поинтересовался Лёха.

Ответа не было, что подводило к неутешительному выводу: его до сих пор не понимают. Значит, и работа не закончена.

Чёрт…

Когда Миа помогла ему сесть, Стриж едва не скрипел зубами от злости на собственную беспомощность. Но стоило эльфийке сунуть ему под нос кусок жареной дичины, как все мысли улетучились. Есть хотелось просто адски.

Уже вгрызаясь в мясо Лёха задумался над невольным каламбуром. Он, или демон в нём адски хочет есть? А, плевать! Мясу ощутимо не хватало соли, но голод – действительно лучшая приправа.

Усевшись напротив, эльфийка махнула рукой Лауре и тоже принялась уплетать мясо. Стриж удивился было, что Миа зажала еду для девчонки, но та вновь взялась за своё странное стило и он скосил взгляд на плечо. Чешуи не было.

О предстоящей боли он старался не думать. Нечего заранее настраивать демона на защиту. Не хватало ещё вырубиться от того, что «тамагочи» вытянет из него последние силы на очередную манипуляцию с телом.

Изгнав мысли о расплавленном металле на коже, Лёха сосредоточился на еде. На вкус – совсем как дома, в детстве, когда у бабушки в деревне они с соседскими пацанами жарили на костре набитых из рогатки голубей.

– Верования проклят… – она запнулась и исправилась, – эльфов запрещают есть животных, – сообщила Лаура, примеряясь к незавершённой татуировке на плече.

В животе у неё отчётливо заурчало, но девчонка ничего не попросила и вообще демонстрировала вселенское равнодушие к трапезе.

– Я – эльфийский православный атеист, – прожевав, ответил Стриж и потянулся за следующим куском.

Оговорку он пока проигнорировал. Всё равно девчонка не поймёт вопроса.

Миа отщипнула кусок мяса, сунула тот в рот, прожевала и демонстративно облизала пальцы. Лёха сосредоточился на этом приятном зрелище, чтобы как можно дольше отвлекать демонического паразита и дать время на завершение татуировки.

Металл вновь обжёг кожу, но на этот раз чешуя не отрастала. То ли демон удачно отвлёкся на созерцание облизывающей пальцы эльфийки, то ли перешёл в энергосберегающий режим, то ли тоже «отключился» от недостатка сил. А может тварь наконец-то сообразила, что не защищает, а убивает носителя.

– Скажи что-нибудь, – отведя стило велела Лаура.

– Господи, ну вот что всегда так однообразно? – устало возмутился Лёха, из которого снова попёрли туповатые шутки. – Почему именно «Что-нибудь»? Хоть бы раз кто что-то пооригинальнее спросил. Эх, ладно… Что-нибудь.

– Мне больше нравилось, когда я тебя не понимала, – сообщила Лаура и посмотрела на Мию. – Ты готова?

Та вопросительно уставилась на Стрижа.

– Норма, – ухмыльнулся тот, показывая большой палец. – Только тестирование бесит однообразием.

Последнее было сказано исключительно для того, чтобы позлить девчонку: очень уж ему не нравились её хозяйские замашки.

– Мы тратим драгоценное время, – напомнила Лаура, проигнорировав последние слова.

Какое-то время Миа задумчиво жевала, затем снова облизала пальцы, вытерла руки о штаны, закатала рукав и подставила Лауре плечо с такой же, как у Лёхи, татуировкой. С ней дело пошло быстрее: без осложнения в виде чешуи корректировка золотого рисунка заняла от силы полминуты. Всё это время эльфийка шипела сквозь зубы от боли и зло что-то говорила.

В какой-то момент поток незнакомых слов оформился во вполне знакомую матерную брань и Стриж обрадованно воскликнул:

– О, зашибись! Я теперь хоть понимаю, когда ты в семь загибов заворачиваешь! А то вас, потомков Кортеса, иной раз хрен поймёшь: то ли вы в любви объясняетесь, то ли уже приготовились кишки на шпагу наматывать.

– Я тебя понимаю… – обрадованно и немного удивлённо сообщила Миа.

Переведя взгляд на Лауру, эльфийка нахмурила брови:

– Это странно. Слишком легко и быстро. Раз, – она щёлкнула пальцами, – и у меня в голове знание чужого языка. У вас все так умеют?

– Стучать зубилом по камню – тоже не сложно, – оскорбилась девчонка. – Но почему-то не все могут ваять статуи.

Высказавшись, она развернулась и с независимым видом вернулась к тёплому лежаку под навесом. Сев, она принялась бережно раскладывать по местам стило и перчатки.

– Видимо, что-то вроде импланта с программой-переводчиком, – предположил Стриж, с детства любивший фантастику. – На вид – просто, на деле – задолбаешься его создавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Chinga tu madre – очень грубое ругательство на испанском.

2

Пон ту ункондо а ла кабеса, пута – грубое ругательство на испанском.

3

Эдено? – Эдэм? (пер. эсперанто).

4

Mi piel… – моя кожа (исп.)

5

Ноктовизор – он же ПНВ, прибор ночного видения.

6

Ма?дре Ди?ос – Матерь Божья! (исп.)

7

Ми?ра до?ндэ бас, идио?та! – Смотри, куда прёшь, идиот! (исп.)

8

Му?эрэ, и?ха де пута – Сдохни, сучья дочь! (исп.)

9

Деспиэрта, гринго! – очнись, чужак (исп.)

10

Мерда (mierda) – дерьмо (пер. исп.)

11

Кэ? (Que?) – что? (пер. исп)

12

Вэну (venu) – подойди (пер. эсперанто).

Купить: https://tellnovel.com/ru/gedeon_aleksandr-i-evgeniya/antimag-chast-1

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить